

В. С. СТЕПИН

**А. А. Зиновьев
как ученый
и философ**

В первой части нашей конференции говорилось о том политическом и идеологическом звучании, которое имеет наследие Зиновьева. Но настала пора поговорить и о том, что он был замечательный ученый и философ.

Уже отмечалось, что тип его сознания — это, прежде всего, тип сознания ученого. Если кратко характеризовать, чем наука отличается от других форм познания мира (от обыденного познания, философского познания, которое тесно связано с наукой, но имеющее свою специфику, от художественного постижения мира и т. д.), то можно выделить, прежде всего, два основных отличительных признака науки.

Первый состоит в том, что наука особым способом программирует человеческую деятельность, выделяя в ней объектные структуры. Наука, как царь Мидас: к чему бы она ни прикоснулась, все для нее объект, как для царя Мидаса было все золото. Наука может исследовать любые объекты и процессы — природные, социальные, она может изучать человека, его деятельность, состояния его сознания, но с особых позиций и под особым углом зрения — как объекты, которые изменяются в соответствии с определенными законами. Это значит, что наука не может исчерпать собой всей культуры. Но она дает нечто очень важное для человеческой жизнедеятельности — она ищет законы функционирования и развития объектов, которые может осваивать человек.

Теперь о второй отличительной характеристике научного познания. Наука не ограничивается исследованием только тех объектов, которые уже попали в поле человеческого практического действия той или иной эпохи, которые осваиваются в обыденном опыте, в производстве данной эпохи. Наука

всегда выходит за рамки сегодняшних, уже наличных форм практики. Она способна делать прорывы

к предметным мирам будущего практического освоения. Она открывает для человечества эти предметные миры. То есть она изучает не только то, что сейчас дает практическую непосредственную выгоду, но и изучает объекты, которые могут быть освоены в будущем, и знания о которых могут обеспечить прорыв к технологиям будущего. Именно благодаря этой способности наука по мере развития цивилизации становится производительной силой и социальной силой.

С этими двумя презумпциями науки соотнесены другие ее особенности — специфика средств и методов исследования, особенности языка науки. С этими презумпциями соотносятся и особенности научного этоса. Ученый в идеале всегда обязан исповедовать следующие установки. Во-первых, искать истину, искать то, как устроены изучаемые ими объекты, каковы их законы. Он может ошибаться в своей деятельности, но он не имеет право умышленно исказить истину в угоду тем или иным идеологическим или иным соображениям. Во-вторых, ученый должен не просто фиксировать уже открытые истины, он должен наращивать рост истинного знания, четко фиксируя то новое, что он открыл. Эта установка стимулирует непрерывающийся научный поиск, который в конечном итоге и приводит к прорывам познания в новые предметные миры, еще не освоенные практикой.

С этими установками связаны два запрета научного этоса. Первый — на умышленное искажение истины, а второй — запрет на плагиат.

Если с этой точки зрения рассматривать творчество Зиновьева, то он, пожалуй, один

из очень немногих жестко следовал этим этическим идеалам и презумпциям науки. Все его конфронтации с властью предрешающими исходили только из одного: он говорил, как устроен социальный объект и каковы законы его развития. Если эти законы жизни объекта кому-то не нравились, то он все равно говорил, что так на самом деле, так есть, это истина. И он никогда не удовлетворялся тем, что смог достигнуть, не ограничивался идеями, которые уже были выработаны в науке. Он был новатором. Он по-новому сформулировал проблемы логики, по-новому увидел проблемы социологии. И это был его дух, настоящего, подлинного ученого.

Но он еще был и философ. Эта связь философии и науки — очень важная композиция в жизни человеческой культуры и в творчестве Александра Александровича. Я на этом останюсь особо.

Если наука делает прорывы к новым предметным мирам, если она открывает то, что еще для человечества новое и неисследованное, то возникает проблема понимания этого нового и предпосылок его дальнейшего исследования. Для того чтобы понять новый объект, надо всегда иметь некую категориальную сетку. Надо осмыслить объект посредством этой сетки, особым образом истолковать категории элемента и структуры, части и целого, вещи и процесса, особым образом интерпретировать причинность, пространство и время.

Разные типы системных объектов, с которыми сталкивалась и которые осваивала наука в своем историческом развитии, требовали разных по смыслу категориальных сеток. Если вы имеете дело с механической системой, то вполне достаточно считать, что свойства частей исчерпывающе определяют свойства целого. Здесь можно абстрагироваться от системного качества целого, не сводимого к свойствам элементов. Для освоения простых (механических) систем достаточно истолковать причинность в духе лапласовской детерминации, пространство и время рассматривать как внешнее по отношению к системе, как арену, на которой про-

исходит взаимодействие объектов. Это понимание выражено в ньютоновской концепции абсолютного пространства и времени. Этой категориальной сетки было достаточно, чтобы осваивать и изучать простые механические системы. И философия механицизма, обосновывая эту категориальную сетку, обеспечила на несколько веков эффективное изучение таких систем.

Но настала пора, когда наука столкнулась с новым типом систем, которые можно было бы обозначить как сложные саморегулирующиеся системы. Такими системами являются все живые системы и все социальные объекты, в технике это системы саморегуляции, гомеостатические технические устройства, рассмотренные в аспекте их функционирования. Для их освоения понадобилась другая категориальная сетка. Выяснилось, что просто из свойств частей вы не получите свойства целого, что существует особое системное качество, которое не сводится к свойствам элемента.

Пришлось по-новому истолковать причинность. В таких гомеостатических системах есть подсистемы с вероятностным стохастическим взаимодействием элементов. Там возникает та причинность, которая была обнаружена в квантовой механике, то, что потом назвали вероятностной причинностью. Вероятностная причинность ограничивала лапласовский детерминизм, но в ограниченном диапазоне он также действует, и применим для описания некоторых аспектов функционирования сложных саморегулирующихся систем.

Категории пространства и времени для этих систем пришлось также по-новому интерпретировать. Для их понимания и описания недостаточно только представлений о внешнем физическом пространстве и времени. В таких системах обнаруживается внутреннее пространство и время, несводимое к внешнему. Биологи это хорошо знают, используя понятие биологических ареалов и биологических часов.

Новый прорыв был осуществлен наукой во второй половине XX века. Она стала сис-

тематически изучать сложные саморазвивающиеся системы, характеризуя их не только феноменологически, но и структурно. Эти системы способны от одного типа саморегуляции переходить к другому типу саморегуляции. Им свойственна эволюция, историческое развитие. Для таких систем приходится заново переопределять категориальную сетку. Кроме того, что приходится учитывать системное качество целого, несводимое к свойствам частей, нужно еще учесть, что со временем оно может заменяться другим системным качеством, что процесс эволюции — это переход от одного гомеостаза и типа целостности к другому. Саморазвивающиеся системы открыты, постоянно обмениваются веществом, энергией и информацией с окружающей средой. Они способны усложняться в процессе развития, наращивать уровни иерархической организации элементов, причем формирование каждого нового уровня оказывает обратное воздействие на уже сложившиеся, перестраивает их.

Благодаря такой перестройке и происходит изменение типа целостности. Сам процесс становления новой целостности предполагает, что система проходит через состояние динамической неустойчивости, через состояние динамического хаоса. В этом состоянии возникают аттракторы, которые могут тянуть систему, как цель, к определенному руслу. Как только аттрактор возник, другие возможности выгорают. Чтобы описать и понять эти свойства системы приходится расширить понятие причинности. Уже не хватает ни вероятностной причинности, ни лапласовского детерминизма. Нужно ввести еще понятие целевой причинности. Аттрактор всегда втягивает систему в определенное русло развития, меняя вероятности первоначальных сценариев как возможных направлений эволюции системы. И эти особенности могут быть охарактеризованы как целевая причинность.

Категории пространства и времени также приходится переосмысливать применительно к саморазвивающимся системам. В них внутреннее пространство и время меняется

по мере эволюции. Когда система надстраивает высшие уровни своей организации, каждый новый уровень меняет композицию элементов системы и ее пространственно-временную структуру. А поэтому математическое описание процессов саморазвития ставит сформулированную И. Пригожиным проблему оператора времени.

Категориальная сетка, необходимая для того, чтобы понять систему, должна присутствовать в сознании ученого. Но тогда возникает очень сложный вопрос: откуда она берется? Ведь если наука натолкнулась на новый тип системы, которая требует новых категориальных смыслов, а в сознании ученого доминируют привычные старые смыслы, обеспечивавшие освоение более простых системных объектов, то он должен поменять эти смыслы. Иначе он вообще не поймет новых объектов. Он будет наталкиваться на парадоксы, которые будут возникать при попытках понять новые системные объекты в старых, уже обжитых категориальных смыслах. Таких ситуаций множество в истории науки. Когда создавалась квантовая механика многие дискуссии относительно особенностей квантово-механического описания переходили в споры о смыслах категорий причинности, пространства и времени и о возможностях синтеза причинного и пространственно-временного описания микрообъектов. В дискуссиях между А. Эйнштейном и Н. Бором на Сольевевских конгрессах эта проблематика была центральной. Известно, что Эйнштейн оппонировал Бору, который отстаивал понятие вероятностной причинности. Известна эйнштейновская формула «не верю, что Бог играет в кости». Эйнштейн считал также, что дополнительность причинного и пространственно-временного описания не может быть идеалом и нужно стремиться к синтезу дополнительных описаний. Иначе говоря, дискуссии вокруг собственно физических вопросов органично переплавлялись в постановку философских проблем.

Философские проблемы всегда возникают в науке, как только она осуществляет

прорыв к новым предметным мирам и начинает осваивать принципиально новые объекты. Вопрос состоит в том, как философия решает эти проблемы. Внутри нее заранее должны вырабатываться новые категориальные смыслы, которые потом науке обеспечат понимание новых типов систем.

Но как это возможно? Это вопрос почти кантовский: как возможна философия? Чтобы получить ответ на этот вопрос нужно по-новому рассмотреть природу философского познания. Недостаточно определить философию как науку о наиболее общих законах природы, общества и мышления. Это частично правильное, а в целом неточное определение. Оно соответствует только сциентистским направлениям философии, которые в ней есть и развиты, но которыми философия не исчерпывается. Под него трудно подвести очень многие философские концепции, в том числе богословские системы, содержащие развитую философскую компоненту, философские концепции Ж.-П. Сартра, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, представленные в их литературных произведениях, философские работы В. В. Розанова и др.

В свое время Гегель писал, что философия — это эпоха, схваченная в мысли, живая душа культуры. Культуру можно рассмотреть как сложную систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, которая представлена в нормах, правилах, в образцах поведения и деятельности, ценностях, знаниях, предписаниях, закрепленных в соответствующих знаках, кодах. Этот сложный развивающийся массив регулятивов человеческой жизнедеятельности системно организован и есть основания, обеспечивающие его системную целостность. Такими основаниями выступают фундаментальные жизненные смыслы и ценности. Их обозначают по-разному, называют концептами, категориями культуры, универсалиями культуры. Я называю их мировоззренческими универсалиями. К ним относятся фундаментальные базисные ценности и жизненные смыслы, составляющие содержание категорий «человек», «природа»,

«личность», «деятельность», «свобода», «справедливость», «истина», «красота», «пространство», «время» и т. д.

В своем сцеплении и взаимодействии они образуют целостную картину человеческого жизненного мира. Человек усваивает смыслы этих категорий в процессе воспитания и социализации, через образцы поведения и деятельности, через включение в разные виды деятельности, через язык, через транслируемые в культуре знания, которые он приобретает. Часто он не осознает всего содержания этих категорий, хотя и понимает их. Он имеет о них неявное знание. Если спросить человека, не занимающегося философией, на уровне его обыденного сознания, что такое справедливость, то, опираясь на конкретные примеры, он покажет, что есть справедливые и несправедливые поступки, но не сможет дать обобщающего определения справедливости.

Мировоззренческие универсалии культуры функционируют как предельно обобщенные программы деятельности, поведения и общения людей. Они являются своеобразными генами социальной жизни, в соответствии с которыми воспроизводится тот или иной тип общества. Для того чтобы радикально изменить общество, надо изменить эти гены. Поэтому духовная революция всегда предшествует революциям политическим.

Философия осуществляет рефлексию над этими фундаментальными мировоззренческими универсалиями культурами. Она их осмысливает, выносит их на суд разума, улавливает изменения, которые в них происходят, и начинает критически их обсуждать. Это первый этап философствования. На этом этапе категории культуры переплавляются в философские категории, но очень своеобразно. Они вначале предстают в форме смысло-образов, но это еще не строгие понятия, с которыми философия затем будет работать. Это их начало. На этом этапе философия ближе к литературе, к искусству. Она в разных областях человеческой жизнедеятельности, в разных сферах

культуры выявляет глубинные смыслы и базисные ценности, программирующие людей.

Второй этап философствования первичные категориальные смысло-образы переплавляет в строгие понятия. Они упрощаются, схематизируются, становятся своеобразными идеальными объектами, абстракциями, с которыми мышление начинает работать как с особыми сущностями. Философ исследует их свойства так же, как, например, математик изучает числа, фигуры, функции, различные типы геометрических пространств, создает какие-то новые представления о числах, фигурах и пространствах и т. д.

Философия строит теоретическое знание и начинает вырабатывать такие смыслы категорий, которые выходят за рамки своей культурной традиции. Эти новые смыслы философия как бы предъявляет культуре, они включаются в исторический поток культурной трансляции как своего рода дрейфующие гены и ждут своего часа. Наступает время, когда социальные запросы, изменяющаяся жизнь общества востребуют эти новые смыслы и заставляют на них ориентироваться. Тогда сухие философские абстракции начинают обретать актуальную жизненную силу. Они воплощаются в публицистике, эссеистике, художественной критике, литературе, искусстве, наполняются эмоциональным содержанием, переживаются людьми. Тогда они постепенно погружаются в недра культуры и становятся новыми мировоззренческими универсалиями.

В этой работе на двух полюсах: с одной стороны, улавливания смыслов категорий культуры и экспликации намечающихся в культуре точек роста новых ценностей, а, с другой стороны, строгих теоретических исследований, направленных на конструирование новых категориальных смыслов и их обоснование, философия намечает новые пути социального развития. Она предлагает возможные изменения генома культуры, адресуя их будущему, и это выступает одним из условий становления новых форм социальной жизни.

Философия часто открывает новые идеи для науки, для политики, которые затем, часто через столетия внедряются в жизнь. Она способна опережать свое время, чему есть множество примеров. И представление об атоме вначале было идеей, первоначально развитой в философии, а затем было обосновано в науке. И идея современной демократии, разделения властей тоже была выдвинута в философии. Прежде, чем американская конституция была создана, был Локк, который за сто лет до американской конституции развил идеи разделения властей и прав человека. Все это взяли на вооружение отцы американской конституции.

Заготовка новых категориальных смыслов органична для философии. Неудивительно, что наука всегда обращается к ней, когда осуществляет прорыв к новым предметным мирам. Многие великие ученые, которые развивали фундаментальную науку, были великими философами. Некоторых из них вообще непонятно по какому ведомству числить. Р. Декарт, Г. Лейбниц — они философы, но они и великие математики. Такие ученые как И. Ньютон, А. Эйнштейн, Н. Бор, Ч. Дарвин, В. Вернадский — великие умы, которые были естествоиспытателями, но и внесли значительный вклад в философское понимание науки. Философская работа — обязательное условие для того, чтобы увидеть открываемые наукой явления под новым углом зрения, устранить парадоксы, которые возникают при использовании старых категориальных смыслов, трансформировать эти смыслы.

Завершая разговор о связи философии и науки, еще раз подчеркну, что в той части, когда философия работает с категориями, как с особыми сущностями, и когда она изобретает новые категориальные миры, которые потом могут пригодиться для будущего развития цивилизации, в этой части философия, выступает как наука. Она — наука по типу мышления близкая к математике. В свое время Лейбниц определил математику как науку о возможных мирах. По аналогии философию можно было бы определить как нау-

ку о возможных мирах человеческой жизнедеятельности.

А вот в той части, когда философия улавливает в культуре изменения, выражая их в категориальной форме смысло-образов, она ближе к искусству и литературе. Это два крыла совы Минервы, о которой писал Гегель. Без этих крыльев она не летает.

Вспоминая и свои личные встречи с Александром Александровичем, и его работы, я должен заметить, что мои собственные занятия философией науки во многом были инициированы его трудами. Ведь если бы не было его диссертации, посвященной анализу «Капитала» К. Маркса, где он показал, как возникают парадоксы в системе научного знания, как они разрешаются путем перепределения научных понятий, если бы не было его деятельности по внедрению в отечественную философию науки логических средств анализа, то, наверное, мы бы не имели тех достижений в этой области, тех новых результатов, которые мы получили в 60–80-х годах 20 века.

Александр Александрович огромную роль сыграл в разработке логики и методологии науки. Но еще большую роль он сыграл, яв-

ля собой образец научного сознания, образец того, как надо мыслить. Это то самое неявное знание, о котором писал Полани, которое трудно расчленишь, но без которого наука тоже не существует. Александр Александрович был не только настоящим ученым, он был подлинным философом. Он работал в обоих аспектах философского знания — и художественно-образном и строго концептуальном. И он умел органично переходить от одного к другому. Большинству из нас этого не дано. Мы обычно концентрируемся на одном стиле мышления, а другой уже трудно дается. Но у А. А. Зиновьева, с одной стороны, удивительно сочеталось его умение увидеть изменения в культуре, построить свои антиутопии, которые часто пророчески предсказывали будущее, развивать философские идеи в форме литературы, а, с другой стороны, создавать профессиональные философские работы, строго научно обосновывая каждое положение, четко расчлняя смыслы, формулируя проблемы, что свойственно науке и что представлено в его логико-философских исследованиях. В этом отношении можно сказать: да, это был действительно великий философ.